

ИЛЛЮЗИЯ ПОСТИНДУСТРИАЛИЗМА

Для России и Беларуси кризис имеет различную природу. Белорусская экономика действительно не являлась ни его очагом, ни его источником, и внешний кризис транслируется на нее в основном по линии торговых связей с российскими партнерами. Что же касается экономики России, то она впадала в глубокую рецессию из-за своей внутренней дезинтеграции и сырьевой структуры: обрушились цены нефтегазового, сырьевого экспорта, а их падение запустило цепную реакцию негативных последствий.

Вследствие многолетнего «сырьевого перекося» и зависимости пореформенного российского хозяйства от нефтедолларов в стране разразился масштабный кризис совокупного внутреннего спроса. Поскольку состояние деиндустриализации до сих пор еще не преодолено, а добывающие сектора отделены от обрабатывающих олигархической собственностью, компенсировать потерю сырьевого экспорта увеличением промышленного выпуска не удалось. Как результат, произошло чувствительное сокращение объемов валютной выручки, сырьевой ренты, бюджетных доходов.

Из-за экспортно-сырьевой деформации кризис ударил по России сильнее, чем по развитым странам. ВВП стран ЕС по сравнению с четвертым кварталом 2008 года сократился в первом квартале 2009-го на 2,5 %, тогда как ВВП России упал на 23,2 %. Отсюда и более тяжелые издержки кризиса, которые в первую очередь легли на государственный бюджет. Приходится действовать в условиях бюджетного дефицита (вместо былого профицита), находить источники его покрытия, причем такие, которые не угрожают возобновлением долговой кабалы, памятной по 1990-м годам.

Отрадно, что при всех трудностях российское государственное руководство придерживается принципа «суверенной демократии» и не поддается на приманку внешних займов. Более взвешенным, чем поначалу, стало использование валютных резервов и средств на стабилизацию банковской системы.

В то же время остается одна фундаментальная проблема: Кремлю пока не удается перейти от монетаризма к полноценной

промышленной политике. Между тем монетаризм безрезультатен и оборачивается лишь напрасными для государства потерями денежных ресурсов, включая валютные. Негативными показателями первого квартала 2009 года жизнь доказала, что принятой антикризисной программы, выстроенной преимущественно в монетаристском разрезе, недостаточно. Плюс к тому до сих пор не налажено нормальное кредитование промышленности, несмотря на выделенные для этого бюджетные средства. В мае высшее государственное руководство России признало неработоспособность монетаристских мер, поставило в повестку дня вопросы промышленной политики, чем обозначило готовность к «революции подходов».

Тем не менее оно остается приверженным задачам и приоритетам интеграции экономики Союзного государства. Конечно, ресурсы текущего бюджета России оказались в рамках более жестких ограничений. Однако приоритеты остаются неизменными, в том числе – социальные расходы и их индексация, а также поддержка общего рынка Союзного государства.

В октябре – ноябре 2008 года вопрос о том, чем угрожает кризис кооперационным хозяйственным связям России и Беларуси, стоял уже в практической плоскости. Согласно оперативно выработанным тогда аналитическим оценкам главную угрозу представлял масштабный кризис спроса с обеих сторон. Соответственно, предстояло найти решение, которое могло предотвратить распад кооперационных связей по «эффекту домино». Важно было не только не поставить под угрозу функционирование

Сергей ГУБАНОВ,
доктор
экономических
наук, профессор
(Москва)

Руководители правительств стран – участников СНГ обсудили 22 мая в Астане вопросы противодействия мировому финансовому кризису

российско-белорусской кооперации, но и продолжить работу по развитию интеграционных процессов, повышению эффективности и результативности сближения, особенно на направлениях инновационной, высокотехнологичной модернизации.

Финансирование блока специальных, так называемых союзных программ особой проблемы не составляло и практически не уменьшалось. Но и объем этих научно-технических программ в инновационных расходах Беларуси и России чрезвычайно мал, из-за чего не показателен. Экономически самым драматическим по своим последствиям являлось сокращение внутрироссийского спроса, ибо оно затрагивало, в числе прочего, продукцию промышленности и сельского хозяйства Беларуси. Поскольку во внешнеторговом обороте Беларуси удельный вес России доходит до 60 %, несложно представить, насколько это серьезный вызов для белорусской промышленности – особенно с учетом того, что сокращение спроса происходит и в других странах СНГ, включая Украину и Казахстан. Выполненный на протяжении октября – ноября 2008 года экономический анализ указывал на вероятность реализации описанного сценария трансляции финансового кризиса на белорусскую экономику через масштабный кризис совокупного спроса России и других постсоветских государств. В такой ситуации требовались оперативные антикризисные меры, способные снять угрозу разрушения кооперационных связей между Россией и Беларусью. В противном случае цепная реакция сокращения спроса

оказалась бы взаимной: ведь белорусские предприятия, в свою очередь, являются заказчиками российских (дизельные двигатели, другая значимая продукция). В общем, при неверных шагах на выходе маячил коллапс. Исходя из обозначенных аналитических оценок, в качестве генеральной антикризисной меры по линии экономики Союзного государства было предложено незамедлительное создание антикризисного фонда, специально предназначенного для поддержки спроса на продукцию, которая входит в номенклатуру внешней торговли Беларуси и России. В первую очередь предстояло поддержать кооперацию по линии автомобильной, тракторной индустрии, электротехнической, радиоэлектронной отраслей, то есть тех секторов, которые преобладают в народном хозяйстве Беларуси и значительно дополняют российский промышленный блок.

Предложение было поддержано, а главное – признано плодотворным и необходимым не только для России и Беларуси, но для ЕврАзЭС в целом. В результате в конце января – начале февраля нынешнего года на саммите организации было принято решение о создании общего антикризисного фонда ЕврАзЭС в размере 10 млрд. долларов. По предварительным расчетам, которые выполнялись только применительно к кооперационным связям России и Беларуси, соответствующая цифра составляет 3,5 млрд. долларов, что равняется 10 % объема внешней торговли между обеими странами по итогам 2008 года. Как теперь выясняется, жизнь внесла свои поправки и цифру следовало бы удвоить. Тем не менее принятое решение сработало и угроза распада кооперационных связей отведена. Выделенные внебюджетные средства работают на поддержку занятости, стабилизацию загрузки промышленности и объемов ее выпуска в России и Беларуси. Несомненно, антикризисный фонд поможет ликвидировать тромбы, которые угрожали заблокировать вообще все связи: и хозяйственные, и финансовые, и платежно-расчетные. Досадно, конечно, что на согласование решения о его создании, которое было принципиально обосновано еще в

начале ноября, ушло несколько месяцев. Надо сказать, от отслеживавших ситуацию аналитиков и экономистов России и Беларуси не укрылся такой индикатор, как рост складских запасов готовой продукции белорусских промышленных предприятий, по ряду видов доходивший до 80 %. Получается, промышленность республики последние полгода работала во многом «на склад», реализуя из десяти выпущенных изделий только два. Как только статистика зафиксировала столь тревожное явление, Советом Министров Беларуси было принято решение о мерах, направленных на снижение к концу 2009 года складских запасов готовой промышленной продукции вдвое. Наряду с предложением о создании антикризисного фонда программа поддержки интеграционных процессов по линии Союзного государства содержит довольно широкий перечень мер. Здесь и вопросы укрепления общей банковско-финансовой системы, и мероприятия, направленные на повышение эффективности газотранспортной инфраструктуры, энергетической безопасности России и Беларуси.

Предметом же особой заботы становятся высокотехнологичные сектора, так как кризис высветил одну крупную доминанту: индустриальный фундамент экономики. Переоценку представлений в этой связи можно скорее наблюдать на примере России, поскольку в Беларуси промышленному развитию всегда придавалось достаточно большое значение. Напротив, на российских реалиях кризис наглядно показал, что «экономика одного передела», только добывающего, не просто обрекает страну на отсталость, но и делает ее подверженной ударам внешней конъюнктуры.

Для России жизненно важно подвести под свою экономику мощный, современный, конкурентоспособный, инновационно-индустриальный фундамент. Предпочтительнее называть его неоиндустриальным, поскольку речь идет не просто о промышленности, а о промышленности качественно иного уровня, вооруженной технотронными, цифровыми, микропроцессорными технологиями, где производительные силы имеют по сравнению с прежним совершен-

но другой состав: работник – электронно-вычислительная машина – средства производства. Управление машинами на этом уровне развития осуществляется с помощью самих машин в противовес ручному управлению станками и оборудованием. Неоиндустриальный тип производительных сил необходим народному хозяйству и России, и Беларуси.

По сути дела, речь идет об исторической задаче второй индустриализации, или неоиндустриализации. Данная задача одинаково актуальна для обеих наших стран, несмотря на то, что, казалось бы, Россия очень сильно зависит от сырьевого экспорта, а Беларусь добывается все же промышленного характера экономического роста.

Тем не менее и российская, и белорусская промышленность, как впрочем и украинская, в своих организационных формах и по техническому составу соответствуют уже устаревшим технологическим укладам. В них представлены технологии уровня первой фазы индустриализации, в основном электромеханические. Процессы управления станками, сборки автомобилей, тракторов, холодильников, телевизоров, лифтов и других видов промышленной продукции здесь электрифицированы, но не автоматизированы.

В свое время экономика Советского Союза блестяще справилась с задачами первой фазы индустриализации. Электрификация всех видов машиностроительных производств и производительных сил была осуществлена в кратчайшие по историческим меркам сроки. Примерно до 1970-х годов СССР являлся крупнейшим поставщиком технологий, машин и оборудования для электрификации других стран мира и прежде всего тех государств Азии и Африки, которые боролись за национальную независимость, за избавление от колониального гнета. Достаточно сказать, что Индия и Китай в те времена именно благодаря Советскому Союзу сумели в опережающем режиме провести электрификацию своей промышленности, создать с нуля многие

виды промышленных производств: химических, металлургических, машиностроительных. Как раз благодаря выигрышу исторического времени и рациональной хозяйственной политике, полностью и жестко подчиненной общехозяйственным государственным интересам, Индия и Китай сумели уже на базе собственного индустриального потенциала включиться в решение задач неоиндустриализации – второй фазы индустриализации, становясь лидерами в освоении технологий автоматизации и производства технотронного уровня.

Должен заметить, что долгое время экономическая наука мира не выделяла отдельно вторую фазу индустриализации. Речь шла об «информационном», о «постиндустриальном» обществе, хотя это полный нонсенс, потому что без машинной техники, например, без машин с микропроцессорами, даже информационные потоки мертвы и никуда не текут. Ни безмашинного, ни постмашинного общества нигде нет и никогда не будет.

«Постиндустриализм» – это идеологический штамп, ярлык, причем отнюдь не безвредный, поскольку с его помощью реформаторы и их вдохновители оправдывают зловещую деиндустриализацию России, призывают нас удовлетвориться ролью «сырьевого придатка» Запада.

Сегодня отечественная экономическая наука разобралась в этом, равно как и в противоречиях однополярной глобализации, и выдвинула неоиндустриальную парадигму развития. Теперь исторические фазы индустриализации четко идентифицированы и классифицированы. Оказалось, что этот процесс еще далеко не окончен во всем мире, в том числе и развитом. По завершении электрификации экономики наступает фаза автоматизации производительных сил. Причем нужно подчеркнуть: нельзя обогнать этапы, нельзя вступить во вторую фазу индустриализации, не пройдя первую, потому что невозможно автоматизировать то, что предварительно не электрифицировано. Это объективный технологический и

экономический закон, в силу которого страны так называемого третьего мира, отстающие в электрификации либо низведенные до состояния деиндустриализации, отстают и в неоиндустриализации. Не хотелось бы, чтобы Россия и Беларусь оказались в числе таких, на периферии высокотехнологического развития.

За рубежом не найти аналогов термина «неоиндустриализация», потому что он выдвинут и обоснован именно отечественной экономической мыслью. В том видится не только теоретический или доктринальный прорыв, но также прорыв в представлениях, которые напрямую касаются как экономической системы, так и экономической политики. В частности, сразу становится четко различимо, на уровне какой фазы индустриализации находится промышленный аппарат России и Беларуси. Он вооружен ныне преимущественно технологиями, полностью соответствующими эпохе электрификации. В народнохозяйственных секторах двух наших стран лишь частично, очагами представлены технологии, характерные для неоиндустриального уровня, то есть крупномасштабной автоматизации производственных процессов, сборки промышленной продукции, ее тестирования, испытания и разборки, а также утилизации после того, как она отслужила свой срок.

А ведь с точки зрения неоиндустриальных подходов разобрать автомобиль, превратить из груды ненужных отходов в ресурсы, которые направляются в промышленную переработку и из них изготавливаются либо новый автомобиль или электромобиль, либо любое другое оборудование, не менее важно, чем собрать с помощью роботов и автоматов. Надо налаживать не только промышленную сборку, но и разборку, притом опять же с помощью машин, на основе компьютеризированного и автоматизированного производства. В неоиндустриальной перспективе значатся также автоматизированные, компьютеризированные технологии природоохранных процессов, включающие переработку промышленных и бытовых отходов. В сущности, неоиндустриализация предполагает становление рециркуляционной экономики, в условиях

которой отходы практически отсутствуют. Многие экономисты в 70-е и 80-е годы прошлого века считали такую постановку вопроса чуть ли не мифом и утопией, полагая, что электрификации и частичной автоматизации вполне достаточно. Как оказывается, то, что еще вчера казалось мифическим и несбыточным, теперь во многом становится реальностью.

Неоиндустриальные технологии исключительно важны и для современных вооруженных сил. Сегодня наиболее развитые страны, в том числе входящие в Североатлантический блок, уже создают целые соединения, дивизии, бригады, флоты, где полностью «оцифрована» вся вертикаль управления, начиная со стратегической, оперативной и тактической разведки и заканчивая выбором и применением огневых систем. Практически речь идет о дистанционном управлении боевыми терминалами, вынесенными или разбросанными по всему земному шару, из единого центра, который может находиться за многие тысячи миль от театра военных действий. Понятно, что это делает обладателя подобных вооружений малоуязвимым для противника, перед которым находится лишь безлюдная техника с огневыми средствами, управляемыми по спутниковым беспроводным каналам через интегрированные системы целеуказания, распознавания и сопровождения целей, наведения, боевого поражения. И это тоже представляет собой новый вызов, стратегический по своему характеру.

Таким образом, неоиндустриализация производительных сил действительно предопределяет судьбу наших стран. Не случайно вырабатываемые сейчас новые приоритеты развития, включенные в утвержденную 13 мая 2009 года «Стратегию национальной безопасности Российской Федерации», касаются не только чисто текущей хозяйственной обстановки, но направлены на создание предпосылок для неоиндустриализации народного хозяйства. Безусловно, с текущими трудностями мы справимся. Есть все основания полагать, что и в Беларуси в результате принятых мер складские запасы промышленной продукции к концу года перестанут быть системной пробле-

мой. Куда более серьезной выглядит задача создания внутреннего спроса не просто на продукцию предприятий, а на автоматизированные рабочие места в промышленности. Назову несколько цифр. Сейчас удельный вес автоматизации материального производства развитых стран доходит до 55 % рабочих мест, в сфере услуг соответствующий показатель приближается к 70 %, а в сфере науки – к 90 %. А у нас он равняется максимум 5–7 %, да и то в основном за счет административно-управленческого персонала предприятий. В активных же и массовых технологических процессах производства автоматизация все еще не получила масштабного развития.

Сборочный конвейер завода BMW

Из-за отсталости в деле неоиндустриализации наши страны несут издержки: в современных условиях внешнеторговый обмен складывается в пользу не трудоемкой экономики, а капиталоемкой. Пора наверстывать упущенное и всерьез браться за преодоление отсталости. В связи с этим в первую очередь следует обращать внимание на два показателя: первый – это удельный вес автоматизированных рабочих мест в материальном производстве (особенно в сборке); второй – соотношение между трудоемкими и капиталоемкими процессами. Пропорция должна постоянно смещаться в сторону последних. Надо создавать стимулы и экономическую систему, когда замещение трудоемкого процесса капиталоемким будет выгодным, массовым и по сути форсированным. Конечно, цели неоиндустриализации недостижимы в масштабах отдельного отраслевого предприятия, каким бы крупным

оно ни было. Это по силам лишь многоотраслевым структурам, равным по мощи вертикально интегрированным корпорациям. Следовательно, нужно проводить вертикальную интеграцию промышленности, да и сельского хозяйства тоже. Нужно создавать свои межотраслевые корпорации, замкнутые на конечный продукт с высокой добавленной стоимостью: микропроцессорные, радиоэлектронные, машиностроительные, двигателестроительные, зеленой энергетики, по технологиям переработки и хранения сельхозпродукции, по средствам инфраструктуры: и заводской, и социальной, включая скоростные виды транспорта.

Без использования современных интеграционных форм организации народного хозяйства не удастся сконцентрировать потенциал, способный стать движущей силой неоиндустриализации.

Не секрет, что вторую фазу индустриализации в развитых странах обеспечивают транснациональные корпорации, чей капитал достаточен для создания спроса на автоматизированные технологии. Приведу пример: у нас в России липецкий завод холодильников «Стинол» использует на сборке труд почти 3 тысяч человек, в основном молодежи от 18 до 30 лет. Этот возраст самый благоприятный для того, чтобы дать молодому человеку высшее профессиональное образование и превратить его в высококлассного интеллектуального работника, способного к разработке инноваций. Вместо этого итальянская корпорация выжимает из него все соки, а по достижении 30 лет выбрасывает. Через подобно рода предприятия страна получает массу маргинального по сути элемента, из которого специалистов уже не выйдет. В то же время на сборочном заводе в Италии, принадлежащем той же итальянской группе «Мерлони», при тех же объемах выпуска персонал за счет автоматизации насчитывает всего 350 человек, из них 160 рабочих. Имея возможность, спросил у хозяина этого предприятия, почему он не автоматизирует сборку в России, в Липецке. Ответ

был ожидаемым: «У вас дешевая рабочая сила, а кроме того, по соглашению с областной администрацией я обязан обеспечивать занятость».

Но это подходы, свойственные дикому, нецивилизованному, «старому» капитализму. Конечно, занятость надо обеспечивать, но не на автоматизированных рабочих местах, а не на отверточной сборке. Высвободившихся работников лучше обучить и занять на разработке новых технологий – с задействованием электронно-вычислительной техники, компьютерного проектирования, дизайна и так далее. Существующая же фабрично-заводская по сути промышленная система неконкурентоспособна и, более того, неустойчива. Сказанное верно и в отношении белорусской промышленности, организацию которой некоторые склонны порой считать чуть ли не идеальной. И для Беларуси генеральной тенденцией является формирование интегрированного государственно-корпоративного сектора, с наличием союзных многоотраслевых корпораций.

Пришло время рациональной системной модернизации. Системная отсталость обрачивается низкой конкурентоспособностью. Дело даже не в десятикратной разнице в зарплатах работников, занятых ручной и автоматизированной сборкой. Причина тут еще более фундаментальная: где преобладает низкооплачиваемая рабочая сила, там не обеспечить окупаемости высокотехнологичных инвестиций, а значит и должного внутреннего накопления. Тогда приходится уповать на зарубежные инвестиции, а они поднимают не столько технологический уровень производства, сколько степень долговой и прочей зависимости, влекут потерю экономического и политического суверенитета, формируют предпосылки для установления марионеточного режима с перманентным правительственным кризисом. Кроме того, не менее «чревата» последствиями и на порядок более низкая совокупная покупательная способность. Без кардинального ее повышения нельзя создать массовый спрос на цифровое телевидение, новое поколение мобильной, сотовой связи, беспроводные

компьютеры, энергосберегающие дома, построенные с применением революционных технологий и материалов. Помимо чисто экономических аспектов это влечет возрастание социального недовольства, на первом этапе проявления которого люди уезжают, а на втором – становятся восприимчивыми к «бархатному» влиянию извне. Свистопляска «долларовой демократии», возникающая вследствие этого, не имеет ничего общего с интересами самой страны и работает лишь на дирижера и кукловодов, находящихся за ее пределами.

Высшая государственная мудрость заключается в том, чтобы видеть не только силу своей экономической системы, но также ее слабости и изъяны, принимать с учетом современных тенденций верные и своевременные действия по системной модернизации. Таковая назрела в России и Беларуси, причем безотносительно к кризису: он подчеркивает необходимость задач неоиндустриализации, но не дает никаких способов их решения. Кризис не может одним махом перебросить нас из первой фазы индустриализации во вторую – для этого требуются уже системные меры. Так что в современном экономическом состоянии России и Беларуси переплетена масса и текущих – краткосрочных, и стратегических – долгосрочных задач, которыми нужно заниматься грамотно, профессионально, без шараханий и надрыва, предметно и конкретно.

Преследуя свои интересы, иностранный капитал всегда щедро финансирует соблазн легких решений в ультралиберальном ключе. Но не нужно обольщаться: таким путем можно получить только продажный коррумпированный слой в элите, тогда как основная масса и белорусов, и россиян ничего не выиграют, а главное, ни на йоту не повысятся ни их покупательная способность, ни конкурентоспособность экономики. Подобная угроза очень опасна и продолжает существовать. Опыт 1990-х годов поможет России с такого рода вызовами справиться. В Беларуси же особой идеологической и политической прививки против подобных иллюзий и искушений нет – это следует прямо признать. Республика еще не проходила испытания ком-

прадорской системой по-настоящему, хотя сразу после распада Союза такой вариант обозначился и для нее. В разнородной элите того периода все-таки возобладали национально-ориентированный элемент, вследствие чего компрадорская фракция не смогла выставить Беларусь на продажу, как ельцинская – Россию, из чего нам приходится с таким трудом выкарабкиваться уже свыше 10 лет.

Можно не сомневаться, что белорусское руководство и в нынешней ситуации найдет мудрое государственное решение. Одной из фундаментальных предпосылок неоиндустриального развития страны представляется консолидация правящей элиты Беларуси на основе национально ориентированного промышленного капитала. При ее обеспечении цели неоиндустриализации достижимы в планомерном, последовательном ключе.

Отдельные ошибки и просчеты неизбежны, но при наличии систематического подхода это не фатально. Сгруппировав силы и мобилизовав энергию общества, неоиндустриальную перспективу можно будет воплотить в реальность. Дополнительную уверенность в этом придает то обстоятельство, что существующий потенциал российской и белорусской национальных академий наук позволяет справиться с самыми технически сложными вызовами. Сегодня важнее всего модернизировать экономическую систему, проработать фундаментальные и прикладные направления неоиндустриализации, чтобы уже в ближайшем будущем организовать массовое конкурентоспособное обрабатывающее производство на новой технологической основе. ■

Автоматизированная линия по производству печатных плат для ЖК-телевизоров на РУПП «Витязь»